

С Е Р И Я
С О Ц И А Л Ь Н А Я
Т Е О Р И Я

SMALL
IS BEAUTIFUL
*Economics as if People
Mattered*

E.F. SCHUMACHER

МАЛОЕ ПРЕКРАСНО

*Экономика, в которой люди
имеют значение*

ЭРНСТ ШУМАХЕР

Перевод с английского
ДАНИИЛА АРОНСОНА

*Издательский дом
Высшей школы экономики*
МОСКВА, 2012

УДК 330.8(081)
ББК 65.02я44
Ш96

Составитель серии
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ
Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ
Научный редактор
АРТЕМ СМИРНОВ

Ш96 Шумахер, Э. Ф.

Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение [Текст] / пер. с англ. и примеч. Д. О. Аронсона; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — 352 с. — (Социальная теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0822-0 (в пер.).

В сборнике статей «Малое прекрасно» (1973) выдающегося британского экономиста немецкого происхождения Э.Ф. Шумахера (1911–1977) предлагается революционный взгляд на экономическую структуру западного мира. Шумахер утверждает, что стремление человека к прибыли и прогрессу, которое ведет к образованию гигантских организаций и к все большей специализации, на самом деле оборачивается экономической неэффективностью, загрязнением окружающей среды и бесчеловечными условиями труда. Он бросает вызов доктрине экономической, технологической и научной специализации и предлагает систему «промежуточных техник», основанную на небольших рабочих единицах, новых отношениях собственности и использовании местного труда и ресурсов. Эта книга послужила источником вдохновения для общественных движений «Покупай местное» (Buy Local) и «Справедливая торговля» (Fair Trade). Она удостоилась престижной Европейской премии Шарля Вейона за эссеистику и была включена «Times Literary Supplement» в список ста наиболее влиятельных книг, опубликованных после Второй мировой войны.

УДК 330.8(081)
ББК 65.02я44

ISBN 978-5-7598-0822-0 (рус.) Copyright © 1973 E.F. Schumacher
ISBN 0060803525 (англ.) © Перевод на рус. яз.,
оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ДАНИИЛ АРОНСОН. «БУДДИСТСКАЯ ЭКОНОМИКА» Э.Ф. ШУМАХЕРА И ТЕ, КОМУ ОНА АДРЕСОВАНА	7
--	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ СОВРЕМЕННЫЙ МИР

I. ПРОБЛЕМА ПРОИЗВОДСТВА.	29
II. МИР И ПОСТОЯНСТВО	40
III. РОЛЬ ЭКОНОМИКИ	60
IV. БУДДИСТСКАЯ ЭКОНОМИКА.	74
V. ВОПРОС РАЗМЕРА.	86

ЧАСТЬ ВТОРАЯ РЕСУРСЫ

VI. ВЕЛИЧАЙШИЙ РЕСУРС — ОБРАЗОВАНИЕ	103
VII. НАДЛЕЖАЩЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗЕМЛИ.	131
VIII. РЕСУРСЫ ДЛЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.	150
IX. ЯДЕРНАЯ ЭНЕРГИЯ — СПАСЕНИЕ ИЛИ ПРОКЛЯТИЕ?	168
X. ТЕХНИКА С ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ.	183

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ТРЕТИЙ МИР

XI. РАЗВИТИЕ	201
XII. СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ, ТРЕБУЮЩИЕ РАЗВИТИЯ ПРОМЕЖУТОЧНОЙ ТЕХНИКИ.	210
XIII. ДВА МИЛЛИОНА ДЕРЕВЕНЬ.	233
XIV. ПРОБЛЕМА БЕЗРАБОТИЦЫ В ИНДИИ	249

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И СОБСТВЕННОСТЬ

XV. МАШИНА, ПРЕДСКАЗЫВАЮЩАЯ БУДУЩЕЕ?	269
XVI. В НАПРАВЛЕНИИ ТЕОРИИ КРУПНОМАСШТАБНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ. . .	289
XVII. СОЦИАЛИЗМ	304
XVIII. СОБСТВЕННОСТЬ	312
XIX. НОВЫЕ МОДЕЛИ СОБСТВЕННОСТИ.	323
ЭПИЛОГ	346

«БУДДИСТСКАЯ ЭКОНОМИКА» Э.Ф. ШУМАХЕРА И ТЕ, КОМУ ОНА АДРЕСОВАНА

Эрнст Фридрих Шумахер (1911–1977) родился в Бонне (Германия). Как и его отец, профессор экономики, Шумахер изучает эту науку сначала в университетах Бонна и Берлина, а затем — в Оксфордском университете (Англия) и Колумбийском университете (США) и становится, таким образом, дипломированным экономистом. Из-за прихода к власти Гитлера Шумахер остается в Англии, где в период Второй мировой войны, будучи уроженцем Германии, подвергается интернированию. Пребывая в лагере для интернированных, в перерывах между работой в поле он пишет ряд экономических статей. Одна из них привлекает внимание Дж.М. Кейнса, который в итоге добивается освобождения молодого экономиста. После этого карьера Шумахера идет в гору. По окончании войны он совместно с Кейнсом консультирует британское правительство по вопросам восстановления экономики страны. С 1950 по 1970 год Шумахер занимает должность главного экономического советника в британской угледобывающей компании National Coal Board, одном из крупнейших предприятий в мире на тот момент.

Таким образом, Шумахера, казалось бы, никак нельзя назвать экономистом-маргиналом — диплом престижного университета и опыт работы на правительство недвусмысленно свидетельствуют об официальном признании его квалификации. Тем не менее идеи, изложенные в этой книге, крайне необычны для экономиста «основного течения». Дело даже не в том, что господствующая экономическая теория подвергается

здесь резкой критике. Темы, поднимаемые в книге, выходят далеко за пределы компетенции экономической теории в привычном понимании: автор изобретательно связывает такие «типично экономические» проблемы, как бедность, безработица или эффективность производства, с вопросами об устройстве образования, о месте человека в мире, о смысле жизни и о кризисе современной культуры. В результате Шумахер умудряется давать ответы на, казалось бы, сугубо экономические вопросы, такие как субсидирование сельского хозяйства, цитируя экзистенциалистов, томистов и неогегельянцев. Но это еще что! Помимо философов разных школ, Шумахер активно ссылается на учение Будды, римских пап и на Священное Писание, а самого себя называет христианином... Верующий экономист!

Считается, что в жизни Шумахера было два события, способствовавших формированию его необычного взгляда на экономику (во всяком случае, необычного для экономиста). Первым стало судебное разбирательство, связанное со случаями пневмокониоза («болезни черных легких») у шахтеров, работавших на National Coal Board. Вместо того чтобы признать очевидную связь между болезнью и условиями труда рабочих, компания стала бороться до последнего и, благодаря некоторым правовым формальностям, выиграла дело, тем самым избавив себя от необходимости выплатить в качестве компенсаций небольшую, по меркам собственного оборота, сумму денег (2–3 миллиона фунтов). Для Шумахера этот случай стал показателем того, что компании не было дела до людей. Более того, он пришел к выводу, что такое положение вещей — не исключение, а скорее неизбежное следствие масштаба организации. В конечном счете эти соображения сделали Шумахера сторонником мелкомасштабной техники и малых организационных структур и противником гигантизма — независимо от того, идет ли речь о размерах предприятий

или политических образований. Малое прекрасно, как гласит название книги.

Второе, пожалуй, еще более важное событие произошло в 1955 году, когда Шумахер был отправлен британским правительством в Бирму в качестве консультанта по развитию. Его задачей было содействовать «прогрессу» Бирмы, помочь бирманцам перенять западный опыт и технологии. Однако, проведя в стране несколько месяцев, Шумахер пришел к выводу, что Бирма не нуждается в развитии по западному образцу, поскольку обладает своей собственной совершенной экономической системой, которую он назвал «буддистской экономикой». Опыт изучения буддистской экономики помог Шумахеру понять ограниченность западных экономических учений, а точнее, ограничения, накладываемые «метаэкономикой», — теми метафизическими ценностными представлениями, которые обуславливают содержание и применение той или иной экономической теории. Разумеется, экономисты склонны считать, что их наука ценностно-нейтральна, поскольку ограничивается чисто количественным, объективным исследованием заданных параметров. Использовать полученные данные исходя из тех или иных ценностей — это, говорят нам, задача политиков. Однако Шумахер указывает, что уже то, какие именно параметры подвергаются анализу, и даже понятийный аппарат, которым оперирует экономическая теория, вытекает из определенной принятой метафизики. К примеру, тот факт, что при анализе добычи полезных ископаемых природные ресурсы рассматриваются как статьи дохода, а не как капитал, служит для Шумахера отражением дуалистической («картезианской», сказали бы мы) картины мира, когда «человек видит себя не частью природы, но внешней силой, которой предначертано главенствовать над природой и завоевывать ее»¹, а все то, чего

¹ Наст. изд., с. 30.

еще не коснулась рука человека, рассматривается как «мертвая материя», лишенная всякой ценности. В результате факту амортизации природного капитала (то есть истощения ресурсов) не придается практически никакого значения. Пытаясь преодолеть такую ограниченность с помощью иной метафизики, Шумахер дополняет понятийный аппарат экономики, вводя (возможно, впервые в истории) деление экономических благ на природные (*primary goods*) и рукотворные (*secondary goods*) и, далее, деля природные на возобновляемые и невозобновляемые, а последние — на изделия и услуги. В наше время такая классификация стала совершенно привычной, однако ей по-прежнему не уделяется должного внимания, что сплошь и рядом ведет к неадекватной оценке эффективности экономических систем. К примеру, в своей относительно недавней книге «Конец бедности» Джеффри Сакс жалуется, что «стандартные методы оценки внутренних сбережений, основанные на официальной статистике, переоценивают сбережения бедных, потому что в статистике не учитывается тот факт, что бедные растрачивают свой природный капитал. ... Когда дерево срубается и распиливается на дрова, предназначенные для продажи, а взамен его не сажается новое дерево, выручка дровосека засчитывается ему в доход, хотя по сути она представляет собой перевод капитальных активов (дерево) в финансовые (деньги)»². Нетрудно понять, что речь здесь идет все о той же неспособности провести различие между доходом и капиталом, когда мы говорим о природных ресурсах, о которой писал Шумахер.

Другим примером ситуации, когда метафизические представления влияют на экономическую теорию, служит использование таких понятий, как «экономический рост», «ВВП» или «производительность тру-

² Сакс Дж.Д. Конец бедности: экономические возможности нашего времени. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. С. 77–78.

да». С точки зрения Шумахера, использование именно этих и подобных им понятий в качестве основных критериев экономической эффективности вовсе не разумеется само собой, скорее оно вытекает из характерного для западного мира потребительского мировоззрения, которое Шумахер не совсем корректно называет «материализмом». Ценности, связанные с таким мировоззрением, не предполагают никакого ограничивающего принципа, поскольку конечной целью считается потребление, и любой его рост рассматривается как, безусловно, положительное явление. Напротив, в буддизме, как и в большинстве традиционных учений, потребление считается лишь средством, а основное значение придается счастью, благополучию, духовному развитию. Поэтому, если для современного экономиста рациональность состоит в удовлетворении потребностей, которые рассматриваются как потенциально бесконечные, для буддиста рациональной была бы такая оптимизация потребностей, которая позволила бы удовлетворять их относительно малыми средствами. Поэтому для буддистского экономиста важнейшим критерием хорошей экономики было бы «постоянство», тогда как экономический рост, наравне со спадом, рассматривался бы как негативное явление. Если для современной экономики естественно делить страны на «богатые» и «бедные» или на «развитые» и «развивающиеся» (при том, что «развитие» не имеет верхнего предела), то в буддистской экономике главную роль играло бы разделение по «бедности», «достатку» и «излишеству».

Этот «метаэкономический» подход Шумахера позволяет пролить свет и на основания его уже упоминавшейся критики организационного гигантизма. Ясно, почему стандартная для экономистов аргументация, согласно которой крупные предприятия предпочтительнее мелких, так как позволяют использовать эффект экономии от масштаба и закупать дорогостоящее капиталоемкое оборудование, не имеет в глазах

Шумахера никакого веса. Эта аргументация полностью строится на идее, согласно которой единственным критерием успешности предприятия является его прибыльность, — идее, уходящей корнями все в ту же «материалистическую» метафизику. При этом не уделяется внимания негативным аспектам гигантизма, которые не связаны напрямую с прибыльностью, таким как, например, «анонимность» больших предприятий, приводящая к тому, что их сотрудники совершенно лишены чувства ответственности за последствия деятельности их компании.

Парадоксальным образом рост потребления (требующий роста производительности) не просто ставится выше традиционных ценностей здоровья, красоты и благополучия, но приходит с ними в противоречие. Так, со стороны фермера любые меры считаются рационально оправданными, если позволяют ему увеличить прибыльность своей фермы, — «даже если тем самым он навредит здоровью почвы и красоте ландшафта, даже если конечным результатом будет обезлюдение земли и перенаселение городов»³, а его товары будут заражены вредными химикатами. Складывается удивительная ситуация: современное богатое общество порой «не может позволить себе» ту здоровую пищу, которая была вполне доступна бедным людям в аграрных обществах прошлого. Поэтому значительная часть деятельности Шумахера была связана с продвижением методов органического сельского хозяйства: так, в 1970 году он был председателем британской Ассоциации почвы (Soil Association), которая занимается сертификацией продовольствия, оказывает поддержку местному пищевому снабжению и выступает против интенсивного сельского хозяйства.

Но главное, с точки зрения Шумахера, свидетельство противоречия между традиционными ценностями

³ Наст. изд., с. 135–136.

ми и ценностью потребления, а точнее, между ценностью потребления и жизнью как таковой, — это, разумеется, стремительное истощение невозобновляемых мировых ресурсов и прежде всего ископаемых видов топлива. Этой теме посвящена значительная часть книги. Вообще говоря, первые ее главы, написанные в довольно экспрессивной манере, могут вызвать у читателя впечатление, что перед ним еще один алармистский памфлет, полный причитаний о «глобальной экологической катастрофе» и «экзистенциальном кризисе». Поводом для дополнительного сарказма может послужить тот факт, что книга была написана более 30 лет назад, цифры, которыми оперирует автор, устарели, а его катастрофические предсказания, по-видимому, не сбылись.

Такое суждение не совсем верно. Шумахер не делает никаких катастрофических прогнозов и вообще скептически относится к попыткам прогнозирования в экономике и других социальных науках. Он нигде не утверждает, что человечество приближается к неминуемой катастрофе или хотя бы к серьезным экономическим потрясениям (хотя последнее и представляется ему вероятным). Скорее, его мысль состоит в том, что пока, к примеру, нефть остается главным топливным ресурсом человечества, и готовой замены ей нет, потреблять ее постоянно растущими темпами — необдуманно. Никто точно не знает, когда именно настанет пик добычи нефти и что он будет означать для человечества — плавный и безболезненный переход на альтернативные виды топлива или череду тяжелых бедствий. Но бедствий точно удастся избежать, если начать снижать темпы потребления нефти уже сейчас.

Конечно, называя такое потребительское отношение к природным ресурсам необдуманным, Шумахер полагает, что эта необдуманность — не случайность, а закономерное следствие западного мировоззрения, которое вызывает своего рода «метафизическую слепоту», неспособность человека здраво оценивать сте-

пень своей зависимости от окружающей среды. Поэтому коренное решение глобальных экономических проблем невозможно без реформ в области метафизики, а важным инструментом таких реформ для Шумахера выступает образование. Образование играет важнейшую роль в формировании метафизической картины мира. Болезненная метафизика современного западного мира — во многом следствие неправильного подхода к образованию. При этом, в отличие, скажем, от Ортеги-и-Гассета, Шумахер не усматривает причину бед в чрезмерной специализации. Вместо этого он подчеркивает необходимость прояснения метафизических оснований преподаваемых дисциплин: «Независимо от того, относится ли предмет к точным наукам или к гуманитарным дисциплинам, если его преподавание не способствует прояснению метафизики, то есть основополагающих убеждений, то оно не делает человека образованным»⁴. Оно призвано научить человека понимать ценностные основания собственных мнений и поступков, отличать метафизические картины мира от научных теорий, ведь первые — фундаментальные интерпретации, отвечающие на вопрос о смысле жизни, а вторые — простые «рабочие гипотезы», которые вводятся для решения специфических задач научного исследования и поэтому никак не могут иметь общемировоззренческого статуса.

Как мы видим, соображения метафизического порядка образуют фундамент для всех остальных идей Шумахера. Разумеется, эти соображения не оригинальны: наоборот, как только речь заходит о метафизике, Шумахер ссылается на учения с тысячелетней историей. Не оригинальна и предлагаемая Шумахером метафизическая критика современного мира. Опасности, которые таит в себе «расколдовывание мира», обсуждаются философами уже не первое столетие —

⁴ Наст. изд., с. 120.

многим такие разговоры давно набили оскомину. Оригинально то, каким образом Шумахер использует такую критику для решения конкретных экономических задач. Так, если и не самой фундаментальной, то одной из самых новаторских и, наверное, самой влиятельной из высказанных в книге идей стала концепция «промежуточной техники» (intermediate technology), которая в дальнейшем получила известность как концепция «подходящей техники» (appropriate technology)⁵.

«Подходящая техника» характеризуется несколькими особенностями. Во-первых, в культурном отношении она вписывается в уклад и традиции того общества, где используется. Во-вторых, в экономическом отношении она относительно дешевая: сам Шумахер считал относительно дешевой такую технику, при использовании которой объем капиталовложений на одно рабочее место не превышает среднегодовой зарплаты рабочего. В-третьих, в инженерном отношении она является «промежуточной», то есть не такой изощренной, как техника современных богатых обществ, но и не такой примитивной, как орудия, которыми вынуждены довольствоваться в наиболее бедных странах.

Подходящая техника рассматривается как средство преодоления нищеты и безработицы. Сам Шумахер обосновывает необходимость промежуточной техники исходя из рассуждений, которые можно упрощенно представить следующим образом. Современному западному обществу свойственно рассматривать ручной труд как проклятие (вспомним знаменитую марксову сатиру на Адама Смита). Такое мировоззрение ведет к тому, что в богатых странах определенный уровень безработицы рассматривается как вполне «естествен-

⁵ Впрочем, следует отметить, что уже в начале XIX века сходные идеи высказывал выступавший против крупной промышленности Ж.Ш. Сисмонди, политэкономия которого Маркс назвал «мелкобуржуазным социализмом». В XX веке предшественником концепции «подходящей техники» стал Ганди, с которым Шумахер был знаком лично и на которого он неоднократно ссылается в данной книге.

ное» явление, которое само по себе не представляет ничего страшного. (Здесь Шумахер противопоставляет современное мировоззрение традиционному, которое, по его мнению, состоит в том, что труд — необходимое условие полноценного развития человека. В пример приводятся не только буддисты, но и Фома Аквинский.) Вместе с тем данное мировоззрение способствует тому, что развитие техники идет в направлении все большей автоматизации производства, а наиболее «современное» оборудование оказывается одновременно самым капиталоемким, что лишь способствует сохранению безработицы.

Но наиболее пагубные эффекты, по мнению Шумахера, возникают тогда, когда современные капиталоемкие технологии переносятся в бедные страны. Простой трансфер технологий в бедные страны не позволяет решить проблему безработицы: при высоких капиталовложениях на рабочее место финансовых средств бедных стран хватает на создание лишь небольшого количества таких рабочих мест. Кроме того, поскольку работа с высокотехнологичным оборудованием обычно требует высокой квалификации, для ее выполнения приходится нанимать специалистов из богатых стран. Наконец, высокотехнологичная продукция зачастую не находит потребителя на внутреннем рынке и идет на экспорт. В результате современный промышленный сектор в бедных странах обслуживает преимущественно потребителей из богатых стран, а большая часть их коренного населения вообще не испытывает на себе его положительных экономических эффектов. Более того, перенос современных технологий не только не решает проблему безработицы, но и усугубляет ее — крестьяне и жители маленьких городков, привлеченные более высоким уровнем жизни, устремляются в столицу, где обычно сосредоточены высокотехнологичные производства, и в итоге сельское хозяйство и мелкое предпринимательство впадают в кризис, а столица обрастает поясами

трущоб. Возникает так называемая «дуальная экономика» (*dual economy*), когда сравнительно небольшая часть населения, главным образом в больших городах, живет по лучшим стандартам западного мира, а основная масса людей страдает от крайней нищеты.

В качестве средства решения этих проблем Шумахер и предлагает свою «подходящую технику», которая должна внедряться там, где люди живут (и тем самым не провоцировать нездоровой миграции), должна быть достаточно дешевой для создания большого числа рабочих мест и достаточно незамысловатой, чтобы местные предприниматели были в состоянии самостоятельно продолжить ее внедрение и развитие.

Идея «подходящей техники» породила целое движение и большое число добровольческих организаций. Так, по данным ОЭСР, уже в 1977 году развитием и продвижением подходящей техники занималось 680 организаций по всему миру, а в 1980-м — более тысячи. Идея достигла и официальных кругов: подразделения, занимающиеся подходящей техникой, были созданы в Межамериканском банке развития, во Всемирной организации здравоохранения и при правительстве США (задачей этого подразделения была борьба с бедностью и безработицей в самих Соединенных Штатах)⁶.

Вместе с тем концепция подходящей техники подвергалась критике. Оппоненты указывали на неэффективность такой техники и порой даже утверждали, что она сознательно навязывается бедным странам богатыми с целью задержать развитие первых⁷. Впрочем, если под «эффективностью» понимается отношение выпуска к затратам, то в свете взглядов Шумахера

⁶ См.: *Jequier N., Blanc G., Jequier N., Blanc G. The World of Appropriate Technology*. P.: OECD, 1983. P. 9. http://www.ncat.org/about_history.php

⁷ См., например: *Kaplinsky R. The Economies of Small: Appropriate Technology in a Changing World*. L.: Intermediate Technology Publications, 1990.

ясно, что такая критика бьет мимо цели или, во всяком случае, недостаточна. Что касается второго аргумента, то, чтобы его опровергнуть, сторонникам подходящей техники достаточно было с сожалением констатировать, что объем официальных инвестиций в развитие подходящей техники оставался ничтожным⁸.

Более веские аргументы приводили те критики, которые пытались опровергнуть сами рассуждения, стоящие за идеей подходящей техники. Они пытались показать, что противоречия между занятостью и капиталоемкостью в действительности нет — исторически спрос на рабочие места в промышленном секторе рос по мере роста капиталоемкости производства; что на самом деле работа с высокотехнологичным оборудованием, как правило, требует не большей квалификации, а, наоборот, меньшей; что на протяжении второй половины XX века многим развивающимся странам удалось-таки сформировать современный промышленный сектор, который продолжает расти. В богатых странах, говорили эти критики, безработица вызвана вовсе не капиталоемкостью оборудования как таковой, а присущими капитализму периодическими рецессиями. Что же касается «дуальной экономики» в бедных странах, то ее следует считать следствием колониальных режимов, а не индустриализации⁹.

⁸ К примеру, в статье *Bhagavan M.R. A Critique of «Appropriate» Technology for Underdeveloped Countries*. Uppsala: Scandinavian Institute of African Studies, 1979, написанной в период расцвета движения *Appropriate Technology*, общие ежегодные вложения в развитие подходящей техники оцениваются в 5 миллионов долларов (менее 20 миллионов долларов по нынешнему курсу). Даже если предположить, что реальная цифра здесь занижена в несколько раз, она все равно крайне мала. Это становится очевидным, если учесть, что во всем мире количество людей, страдающих от крайней нищеты (то есть живущих менее чем на один доллар в день), составляло на тот момент, по оценкам Всемирного банка, 1,5 миллиарда. (См.: *Chen Sh. and Ravallion M. How Have the World's Poorest Fared Since the Early 1980's?* // *World Bank Research Observer*. 2004. Vol. 19. No. 2. P. 141–169.)

⁹ *Bhagavan M.R. Op. cit.* P. 20–24.

Можно долго спорить по поводу того, насколько убедительны эти аргументы и адекватны ли исторические примеры. Так или иначе, под влиянием подобной критики многие теоретики подходящей техники смягчили свои позиции и стали позиционировать ее не как альтернативу современной технике, а как дополнение к ней: здоровому развитию должно сопутствовать внедрение техники обоих видов¹⁰.

Предметом еще одного возражения стала идея, согласно которой промежуточная техника способна стимулировать местную инновационную активность. По мнению Шумахера, появление в бедных странах больших высокотехнологичных предприятий оказывает на местных предпринимателей «отрицательный демонстративный эффект»¹¹, ведь перед лицом сверхсовременных методов и технологий весь накопленный ими опыт совершенно бесполезен. Тем самым трансфер технологий губит местные новаторские инициативы на корню, в результате чего бедные страны попадают не только в экономическую, но и в интеллектуальную зависимость от богатых. Напротив, промежуточная техника относительно проста, и, чтобы разобраться в ней, не нужен опыт работы с высокими технологиями в современных обществах. Поэтому она будет стимулировать местных предпринимателей, а не демотивировать их. «Помочь людям помочь себе самим» — такова формула Шумахера.

С точки зрения критиков подходящей техники, такие рассуждения в корне ошибочны. Трансфер технологий ведет не к затуханию, а, наоборот, к росту инновационной активности¹². Дело в том, что инновации всегда связаны с рисками: любое нововведение может

¹⁰ См.: *Akubue A. Appropriate Technology for Socioeconomic Development in Third World Countries // Journal of Technology Studies. 2000. Vol. 26. No. 1. P. 41. Winter-Spring.*

¹¹ Наст. изд., с. 226.

¹² См.: *Bhagavan M.R. Op. cit. P. 23–24.*

оказаться неудачным. Но мелкое хозяйство в бедной стране может позволить себе значительно меньшие риски, чем, например, большое акционерное общество, где риски распределяются между множеством собственников. Поэтому последнее представляет собой более благоприятную среду для инноваций.

Наконец, критики указывали на то, что специфика местных условий каждого отдельного бедного общества бывает столь велика, что никакого общего знания о том, какая техника является подходящей, выработать практически невозможно. Таким образом, функция сбора и передачи информации о существующей подходящей технике, которую, как предполагается, должны выполнять «группы развития подходящей техники», оказывается излишней. Когда такое знание выработано сторонними специалистами, оно неадекватно (критики приводили примеры, когда внедрение «подходящей» техники, спроектированной сторонними инженерами, оказывало на сообщества непредвиденные неблагоприятные эффекты), а когда оно выработано самими сообществами, то адекватно чаще всего только для них же самих. «Приходится, — говорили критики, — сделать неизбежный вывод, что группам развития подходящей техники, расположенным за границей или организованным на национальном, а не на местном уровне, нет смысла пытаться непосредственно повлиять на “технику сообщества”»¹³.

И действительно, пережив расцвет в 80-е годы, идея подходящей техники стала утрачивать популярность. В 2010 году Пол Полак, основатель International Development Enterprises, международной некоммерческой организации, занятой распространением низкозатратных ирригационных технологий в странах третьего мира, констатировал, что по итогам более чем 30-летней деятельности групп развития подходящей техники, сделано очень мало. Как правило, изделия,

¹³ *Bhagavan M.R. Op. cit. P. 26.*

созданные такими группами, оказывались слишком дорогими, чтобы жители бедных стран могли себе их позволить. По словам Полака, «движение в поддержку подходящей техники погребло, поскольку его направляли благонамеренные мыслители, а не реалистичные предприниматели»¹⁴. В то же время Полак не отказывается от самой идеи подходящей техники, но лишь настаивает на том, что необходимо уделять гораздо больше внимания проблеме ее дешевизны.

Вместе с тем развитие подходящей техники стало бы делом рук «реалистичных предпринимателей» в том случае, если бы оно было подхвачено самими бедными сообществами, то есть если бы произошло то, на что как раз и надеялся Шумахер. Причины того, что этого так и не произошло, а успехи остались единичными, не обязательно сводятся к несовершенству самой идеи подходящей техники или ее реализации. Одной из таких причин может быть явление, которое уже упоминавшийся Дж. Сакс называет «ловушкой бедности»¹⁵. Это явление возникает тогда, когда люди живут в состоянии настолько тяжелой нищеты, что не имеют возможности делать даже минимальные сбережения, необходимые для того, чтобы начать хоть какое-то экономическое развитие. С точки зрения Сакса, чтобы люди могли вырваться из «ловушки бедности» и начать самостоятельное развитие (применительно к обсуждаемой нами теме — самостоятельную инновационную активность), их нужно обеспечить минимальной инфраструктурой, необходимой любому сообществу: дорогами, больницами, источниками чистой воды и т.д. По оценкам Сакса, в некоторых беднейших африканских общинах такая инфраструктура обошлась бы в 70 долларов в год на одного человека. Это немного, хотя и намного больше тех 22 долларов на человека в год, которые южноафриканские стра-

¹⁴ См.: <http://blog.paulpolak.com/?p=376>

¹⁵ Сакс Дж.Д. Указ. соч. С. 286.

ны получают от стран-доноров ныне¹⁶. Если эти рассуждения верны, то становится понятно, почему все усилия по продвижению подходящей техники не возымели должного эффекта: если люди не в состоянии сделать минимальных сбережений, не поставив под угрозу собственное выживание, то у них не найдется и средств на внедрение технологических новшеств, пусть даже относительно дешевых.

В то же время Шумахер, похоже, смотрел на вещи иначе: возражая тем, кто считает необходимым увеличить объемы финансовой помощи бедным странам, он предлагал вместо этого реструктуризировать ее, то есть направить средства в первую очередь на сбор, организацию и передачу информации о средствах, с помощью которых бедные могут помочь себе сами. Возможно, здесь Шумахер, противопоставив современной технике «подходящую», сам попал в ловушку этого противопоставления и забыл о тех проблемах бедных, которые едва ли можно решить их собственными руками.

Вполне возможно, если для бедных будут, наконец, созданы условия, которые позволят им вырваться из «ловушки бедности», появится и спрос на уже существующие наработки в области подходящей техники, а отдача от деятельности групп развития подходящей техники, таких как основанная самим Шумахером британская Intermediate Technology Development Group (ныне — Practical Action), вырастет многократно. Здесь не место обсуждать этот вопрос подробнее.

Разумеется, все высказанные в книге идеи, касаются ли они техники, собственности, сельского хозяйства, ресурсов, социального предпринимательства, мелко-масштабной организации или образования, связаны друг с другом. Так, по мысли Шумахера, мелко-масштабные предприятия обычно задействуют менее ка-

¹⁶ Сакс Дж.Д. Указ. соч. С. 105, 272.

питалоемкую технику, поэтому создают больше возможностей для обеспечения занятости, а в бедных странах — меньше предпосылок для формирования «дуальной экономики». Одновременно они требуют меньшей ресурсной базы, что снижает зависимость от импорта, они наносят меньше ущерба окружающей среде, они основаны на более личных взаимоотношениях, что способствует формированию у их сотрудников чувства социальной ответственности, а также мотивации, выходящей за пределы одного только получения прибыли.

Развитию этих качеств способствует и образование, если оно не приносит в жертву специализации задачу формирования у обучаемого цельной («метафизической») картины мира. Такое образование должно привести и к переосмыслению роли экономической теории. Наконец, предлагаемая Шумахером в последних главах книги своеобразная система собственности, вдохновленная католической социальной доктриной дистрибутизма, призвана избежать, с одной стороны, слепой логики капитализма, подчиняющей все соображениям максимизации прибыли, а с другой — негативных сторон крупномасштабных предприятий, в форме которых обычно существуют национализированные отрасли.

Сегодня осуществлением этих идей, одни из которых восходят к Шумахеру, а другие просто разделялись им, занимается множество людей по всему миру: первые выступают за защиту окружающей среды, вторые продвигают альтернативные источники энергии, третьи занимаются социальным предпринимательством, четвертые — внедрением «подходящей техники».

Однако помимо всех этих идей, а также соображений метафизического порядка, в книге присутствует своеобразный лейтмотив, который самим автором напрямую не артикулируется, и поэтому о нем хотелось бы написать в завершение.

Авторы большинства исследований, посвященных глобальным экономическим проблемам, будь то бедность, безработица, стагнация или что-то еще, явно или неявно исходят из того, что для решения этих проблем необходимы те или иные политические меры: увеличение объемов иностранной помощи, перераспределение бюджетных средств, реформа прав собственности и т.д. Шумахер же странным образом почти ничего не говорит о политических мерах и вместо этого делает ставку на внеполитические силы — на предпринимательство, добровольческие организации, на интеллектуалов и, наконец, на изменения в мировоззрении людей. «Не мне говорить о политике», — заявляет он.

Что это? Простая небрежность, скрытое недоверие к власти или странная идиосинкразия? В конце концов, Шумахер вовсе не считает, что для решения тех проблем, о которых он пишет, достаточно провести незначительные преобразования тут и там. Наоборот, он считает, что требуются такие изменения, которые затронут глубинные основания наших обществ. Казалось бы, что может быть естественнее, чем привлечь на помощь силу государственной власти?

Пожалуй, когда Шумахер отказывается рассматривать государство как основное или, тем более, исключительное средство экономических и общественных преобразований, это можно интерпретировать в том духе, что он больше не мыслит власть в терминах центра и периферии. Здесь, как ни странно, можно провести параллель с Фуко, который стремился показать, что традиционные методы политической борьбы неадекватны, будь то революция или партийные схватки: нельзя мыслить власть в виде некоего единого «эпицентра», который потому необходимо захватить, что любые изменения могут быть осуществлены только через него. И когда Шумахер не уделяет большого внимания государству, а вместо этого рассуждает о том, какую роль могут сыграть всевозможные неправи-

тельственные организации и отдельные люди, то это означает, что он *уже* не мыслит власть таким образом.

Действительно, когда экономисты, рассуждая о тех или иных глобальных проблемах, видят свою главную задачу в формулировке необходимой для их решения экономической политики, они тем самым невольно поддаются представлению, будто государство — единственный «очаг власти», будто только оно способно что-то менять. Такое представление отражается и в том, что в экономических моделях все агенты рыночных отношений рассматриваются как совершенно «природные» объекты, полностью детерминированные своей шкалой предпочтений, тогда как за политиками признается способность «принимать решения». Даже крайние либертарианцы, при всем своем негативном отношении к государству, обнаруживают то же самое заблуждение, когда исходят из того, что те или иные проблемы могут быть решены исключительно путем преобразования прав собственности или гарантии экономических свобод, то есть путем действий, которые могут быть осуществлены только на государственном уровне. Все это сильно напоминает философию просветителей с их фигурой «просвещенного деспота», который один только способен позаботиться о всеобщем благе.

К слову, это же центристское представление о власти обнаруживают и многие неортодоксальные экономисты, когда мечтают о низвержении «мейнстрима». Тем самым они воспроизводят логику партийной борьбы, пусть и на другом институциональном уровне. В этом смысле показательно, что Шумахер не столько стремится создать совершенно новую экономическую теорию, сколько показывает недостаточность уже существующей, и главное — губительность стоящей за ней метафизики. Он не против таких используемых экономистами методов, как анализ «затраты—выпуск», подсчет темпов роста ВВП и т.д. Он против того, чтобы считать, будто такие методы дают исчерпывающую

Даниил Аронсон

картину происходящего в обществе и тем более готовые руководства к действию.

Наконец, это ошибочное представление о природе власти пронизывает жизнь каждого: именно оно стоит за тем банальнейшим фактом, что новостные ленты состоят почти исключительно из новостей большой политики, будто ничто другое не имеет значения, что всеобщее внимание неизменно приковано к сугубо политическим событиям, таким как переизбрание президента, — даже тогда, когда всем известно, что правительство неэффективно. Оно же ведет к распространению отнюдь не способствующего инициативам мнения, что единственный способ «изменить мир» — это участие в политических движениях, а всем, кто в них не участвует, остается в лучшем случае пытаться «изменить себя». Ценность книги Шумахера в том, что он не только напоминает, как много может изменить каждый, но и показывает конкретные способы того, как это можно сделать. Его призывы и практические рекомендации обращены не к окруженным ореолом божественности правителям, а к обычным людям — бизнесменам, фермерам, ученым, журналистам и учителям.

Даниил Аронсон

СОВРЕМЕННЫЙ МИР

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. Проблема производства¹

Одна из самых роковых ошибок нашего времени состоит в убеждении, что «проблема производства» решена. Этому убеждению придерживаются не только люди, далекие от производства и тем самым лишенные профессионального знания фактов, — его разделяют практически все эксперты, капитаны промышленности², финансовые управляющие в правительствах разных стран, ученые и не очень ученые экономисты, не говоря уже о пишущих на экономические темы журналистах. Они могут не соглашаться во многом, но все они согласны с тем, что проблема производства решена; что человечество, наконец, достигло совершеннолетия. Для богатых стран, говорят они, самой важной задачей является ныне «обучение досугу», а для бедных — «трансфер технологий».

То, что дела идут не так хорошо, как должны бы, — это, видимо, следствие человеческой порочности. Нам, таким образом, следует создать политическую систему, настолько совершенную, что порочность исчезнет, и каждый или каждая будет поступать хорошо, независимо от того, сколько в нем или в ней склонности к порокам. На самом деле, широко распространена позиция, согласно которой все люди от рождения хорошие, и если кто-то становится преступником или эксплуататором, это вина «системы». Несомненно, система во многом плоха и должна быть изменена. Одна

¹ Основано на лекции, прочитанной 4 февраля 1972 года в Институте Готлиба Дутвайлера (Gottlieb Duttweiler Institute), Рюшликон (неподалеку от Цюриха), Швейцария.

² Капитан промышленности (*англ.* *capitan of industry*) — популярный ранее в англоязычном мире термин, которым обозначали крупных предпринимателей, сочетавших стремление к личному обогащению с заботой о процветании национальной экономики, благотворительностью и т.д. — *Примеч. пер.*

из основных причин того, что она плоха и, несмотря на это, все-таки продолжает существовать, состоит в указанном ложном представлении, что «проблема производства» решена. Поскольку это заблуждение лежит в основе всех систем наших дней, нет особого смысла выбирать между ними.

Происхождение этого заблуждения, столь вопиющего и пустившего такие глубокие корни, тесно связано с произошедшими в последние три или четыре столетия философскими, если не сказать религиозными, переменами в отношении человека к природе. Возможно, мне следовало бы сказать «в отношении западного человека к природе», но поскольку процесс вестернизации ныне переживает весь мир, более обобщенное выражение выглядит оправданным. Современный человек видит себя не частью природы, но внешней силой, которой предначертано главенствовать над природой и завоевывать ее. Он даже говорит о битве с природой, забывая, что если бы он эту битву выиграл, то оказался бы на проигравшей стороне.

Вплоть до совсем недавнего времени ход битвы был, похоже, достаточно успешным, чтобы у человека создалась иллюзия безграничной власти, но не настолько успешным, чтобы впереди замаячила возможность полной победы. Но вот, она, наконец, замаячила впереди, и многие люди, хотя и меньшинство, начинают осознавать, что это означает для дальнейшего существования человечества.

Иллюзия безграничной власти, взрожденная на почве ошеломительных научных и технических достижений, породила сопутствующую иллюзию, будто проблема производства окончательно решена. Эта последняя иллюзия основана на неспособности различить доход и капитал там, где это различие важнее всего. С этим различием знаком любой экономист или бизнесмен; его добросовестно и весьма искусно проводят во всех экономических сферах, кроме той, в которой оно действительно важно — а именно там, где

дело касается невозстановимого капитала, который человек не создал, а просто нашел, и без которого он не сможет ничего.

Ни один бизнесмен не сказал бы, что фирма решила свои проблемы производства и стала жизнеспособной, если бы увидел, что она стремительно расходует свой капитал. Как же тогда мы можем не замечать этого жизненно важного факта, когда речь идет об очень большой фирме — о звездолете «Земля» и особенно о хозяйственных делах его богатых пассажиров?

Одна из причин, по которым мы не замечаем этого жизненно важного факта, состоит в том, что мы оторваны от реальности и склонны относиться ко всему, что мы не сделали сами, как к лишенному стоимости. Даже великий доктор Маркс впал в это губительное заблуждение, когда сформулировал свою так называемую «трудовую теорию стоимости». И вот, мы действительно потрудились, чтобы создать какую-то часть того капитала, который сегодня позволяет нам производить, — большой запас научного, технического и прочего знания, развитую материальную инфраструктуру, бесчисленные виды изоциренного капитального оборудования и т.д., — но все это лишь малая часть всего того капитала, который мы используем. Капитал, производимый природой, а не людьми, намного больше — и мы даже не признаем его за таковой. Большая его часть расходуется сейчас пугающими темпами, и именно поэтому нелепо и смертельно опасно верить в то, что проблема производства решена, и действовать исходя из этой веры.

Давайте рассмотрим этот «природный капитал» более пристально. Первейшая и самая очевидная его составляющая — ископаемые топлива. Никто, уверен, не станет отрицать, что мы относимся к ним как статьям дохода, хотя они, несомненно, являются статьями капитала. Если бы мы относились к ним как к статьям капитала, то должны были бы озаботиться их сохранением: мы должны были бы сделать все, что в наших си-

лах, для минимизации их текущих норм расхода; мы, например, могли бы сказать, что деньги, полученные от реализации этих активов — этих невозстановимых активов, — должны быть внесены в специальный фонд, предназначенный исключительно для развития методов производства и распространения жизненных укладов, которые вообще не зависят от ископаемых топлив или зависят от них лишь в очень небольшой мере. Это и многое другое мы должны были бы делать, если бы относились к ископаемым топливам как к капиталу, а не как к доходу. Но, не предпринимая ни одной из этих мер, мы делаем нечто, прямо противоположное им всем, — мы нисколько не заботимся о сохранении окружающей среды; мы максимизируем текущие нормы расхода вместо того, чтобы минимизировать их; и, совершенно не интересуясь изучением возможностей альтернативных методов производства и жизненных укладов, способных увести нас с губительной траектории, по которой мы движемся с неуклонно растущей скоростью, мы радостно говорим о невиданном прогрессе, об «обучении досугу» в богатых странах и «трансфере технологий» в бедные.

Ликвидация этих основных средств проходит столь стремительно, что даже в якобы самой богатой стране мира, в Соединенных Штатах Америки, даже на уровне Белого дома, есть немало обеспокоенных людей, призывающих к массовой перегонке угля в жидкое топливо и газ, требующих еще более титанических усилий по поиску и эксплуатации оставшихся сокровищ Земли. Взгляните на цифры, публикуемые под заголовком «Мировая потребность в топливе в 2000 году». Если сейчас мы используем что-то около 7 миллиардов тонн угольного эквивалента, через 28 лет потребность будет втрое выше — 20 миллиардов тонн! Что такое 28 лет? Если взглянуть в прошлое, то они перенесут нас примерно в конец Второй мировой войны, и, конечно, с того времени потребление топлива утроилось, но утроение означало увели-

чение менее, чем на 5 миллиардов тонн угольного эквивалента. Сейчас мы спокойно рассуждаем о втрое большем увеличении.

Люди спрашивают: осуществимо ли это? И получают ответ: это необходимо и потому будет сделано. Извинившись перед Джоном Кеннетом Гэлбрейтом, можно сказать, что это случай, когда безликий ведет незрячего. Но зачем же клеветать? Сам по себе вопрос поставлен неверно, потому что содержит неявное допущение — мы имеем дело с доходом, а не с капиталом. Что такого особенного в 2000 году? Как насчет 2028 года, когда дети, резвящиеся сегодня на площадках для игр, будут готовиться к выходу на пенсию? Еще одно утроение? Все эти вопросы предстают абсурдными в тот момент, когда мы осознаем, что имеем дело с капиталом, а не с доходом. Ископаемые топлива не созданы людьми, их нельзя получить повторно из отходов производства. Исчезая, они исчезают навсегда.

«А как насчет видов топлива, получаемых из возобновляемых источников?» — спросит кто-нибудь. Правда, как насчет них? В текущий момент на их долю (в калориях) приходится менее 4% совокупного мирового потребления³. Нужно, чтобы в обозримом будущем их доля составила 70, 80, 90%. Сделать что-либо в малом масштабе — это одно, сделать то же самое в гигантском масштабе — это нечто совсем другое, а доля таких видов топлива должна быть поистине гигантской, чтобы повлиять на мировую топливную проблему. Кто возьмется утверждать, что проблема производства решена, если речь идет об использовании топлива из возобновляемых источников в поистине гигантских масштабах?

Ископаемые топлива — это только часть того «природного капитала», к которому мы упорно хотим от-

³ По данным за 2009 год на долю возобновляемой энергии приходилось 16% общемирового энергопотребления. См.: Renewables 2011: Global Status Report. P. 17. — *Примеч. пер.*

носиться как к расходному материалу, то есть как если бы он был доходом, причем, ни в коем случае не самой важной его частью. Если мы растрачиваем наши ископаемые топлива, то ставим под угрозу цивилизацию; но если мы растрачиваем капитал, представленный живой природой вокруг нас, то ставим тем самым под угрозу жизнь как таковую. Люди начинают осознавать эту угрозу и требуют прекратить загрязнение. В их представлении загрязнять среду — это такая довольно неприятная привычка жадных или небрежных людей, что-то вроде швыряния мусора на соседский участок через ограду. Более цивилизованное поведение, понимают они, потребует от нас дополнительных издержек, и нужно ускорить темпы экономического роста, чтобы быть в состоянии себе их позволить. Отныне, говорят они, мы должны пустить хотя бы некоторые из плодов нашей неуклонно растущей производительности на улучшение «качества жизни», а не только на увеличение количества потребляемого. Все это вполне справедливо, но затрагивает лишь внешнюю сторону проблемы.

Чтобы проникнуть в суть дела, лучше всего спросить, почему так получилось, что все эти термины — «загрязнение», «окружающая среда», «экология» и т.д. — столь внезапно оказались на слуху. В конце концов, промышленной системой мы обзавелись уже довольно давно, однако еще пять или десять лет назад эти слова были фактически неизвестны. Что это — внезапная причуда, глупая мода или, быть может, внезапный приступ паники?

Объяснение найти нетрудно. Как и в случае с ископаемыми топливами, мы на самом деле какое-то время жили на капитал живой природы, но достаточно в скромной мере. Лишь начиная с конца Второй мировой войны мы преуспели в увеличении этой меры до вызывающих тревогу пропорций. По сравнению с тем, что происходит сейчас и что ускоряющимися темпами происходило на протяжении последней четверти века,

вся промышленная деятельность человечества вплоть до Второй мировой войны включительно — ничто. В следующие четыре-пять лет мы, вероятно, достигнем таких объемов промышленного производства (в масштабе мира в целом), каких не знало все человечество, жившее до 1945 года включительно. Другими словами, совсем недавно — настолько недавно, что большинство из нас едва ли успели это осознать — случился уникальный количественный скачок промышленного производства.

Отчасти причиной, но также и следствием, стал и уникальный качественный скачок. Наши ученые и техники научились составлять вещества, не известные природе; перед многими из них природа, по сути, беззащитна. Не существует природных агентов, которые могли бы атаковать и расщепить их. Это как если бы аборигены были внезапно обстреляны пулеметным огнем — их луки и стрелы бесполезны. Своей почти магической эффективностью эти не известные природе вещества обязаны именно ее беззащитности. И то же самое относится к их опасному экологическому воздействию. Лишь в последние 20 лет или около того эти вещества появились в оптовых количествах. Поскольку у них нет природных врагов, они имеют тенденцию накапливаться, и, как известно, долгосрочные последствия такого накопления во многих отношениях крайне опасны, а в некоторых — совершенно непредсказуемы.

Другими словами, перемены как в количестве, так и в качестве осуществляемых человеком промышленных процессов, произошедших в последние 25 лет, породили совершенно новую ситуацию — ситуацию, ставшую итогом не наших неудач, а того, что мы считали нашими величайшими успехами. И это произошло столь внезапно, что мы едва ли обратили внимание на то, что стремительно изнашивали невозстановимые основные средства, а именно *запас терпения*, которым неизменно располагает милостивая природа.

Позвольте мне теперь вернуться к вопросу о «топливах из возобновляемых источников», с которым я прежде обошелся с несколько высокомерной небрежностью. Никто не говорит, что та всемирная промышленная система, которая предвидится в 2000 году, то есть через одно поколение, будет поддерживаться главным образом энергией воды или ветра. Нет, нам говорят, что мы стремительно движемся к ядерной эре. Разумеется, это уже не новая история. Мы слушаем ее более 20 лет, а доля ядерной энергии в общем объеме потребляемого топлива и энергии до сих пор ничтожно мала⁴. В 1970 году она составляла 2,7% в Великобритании, 0,6% в странах Европейского сообщества и 0,3% в Соединенных Штатах — и это если взять только наиболее развитые страны. Можно допустить, что запас терпения природы достаточен, чтобы она справилась со столь небольшим обложением. Однако даже сегодня найдется много людей, испытывающих по этому поводу глубокую обеспокоенность, а доктор Эдвард Д. Дэвид, советник президента Никсона по науке, говоря о хранении радиоактивных отходов, сообщил, что «становится дурно, когда думаешь о чем-то таком, что необходимо хранить в герметичном состоянии под землей в течение 25 000 лет прежде, чем оно станет безопасным».

Как бы то ни было, я хочу высказать очень простое соображение: заменить тысячи миллионов тон ископаемых видов топлива, потребляемых каждый год, ядерной энергией означает «решить» проблему топлива, создав экологическую проблему таких чудовищных размеров, что «станет дурно» далеко не одному только доктору Дэвиду. Это означает решить проблему, переместив ее в другую область — чтобы там создать проблему бесконечно большую.

Уверен, что, высказав это, я столкнусь с другим, еще более смелым заявлением: а именно — ученые и тех-

⁴ В 2009 году она составила 2,8%. См.: Renewables 2011: Global Status Report. P. 17. — *Примеч. пер.*

ники будущего сумеют разработать столь совершенные предосторожности и правила безопасности, что использование, перевозка, переработка и хранение радиоактивных материалов во все больших количествах станут полностью безопасными; что, наконец, создание мирового сообщества, в котором никогда не будет случаться войн или гражданских волнений, станет задачей политиков и представителей социальных наук. И снова это будет означать решить проблему, переместив ее в другую область, в область повседневного человеческого поведения. И это подводит нас к третьей составляющей «природного капитала», который мы безрассудно транжирим, поскольку относимся к нему так, словно это доход, словно мы сделали его самостоятельно и легко можем возместить за счет нашей постоянно восхваляемой и стремительно растущей производительности.

Разве не очевидно, что наши текущие методы производства уже начали уничтожать саму субстанцию промышленного человека? Многим это вовсе не очевидно. Разве были, спрашивают они, наши дела когда-либо лучше, чем теперь, когда мы решили проблему производства? Разве не правда, что мы лучше одеты, накормлены, обеспечены жилищем — и лучше образованы! — чем когда-либо прежде? Разумеется, все это верно для большинства из тех, кто живет в богатых странах (но ни в коем случае не для всех). Но ничто из перечисленного не составляет того, что я подразумеваю под «субстанцией». Субстанцию человека нельзя измерить валовым национальным продуктом. Возможно, ее вообще нельзя измерить — разве что, увидеть определенные свидетельства ее утраты. Однако здесь не место углубляться в статистику таких свидетельств, как преступления, наркотическая зависимость, вандализм, расстройства психики, восстания и т.п. Статистика никогда ничего не доказывает.

Я начал с утверждения, что одно из самых роковых заблуждений нашего времени состоит в убеждении,

что проблема производства решена. Этой иллюзией, как я предположил, мы обязаны нашей неспособности осознать, что современная промышленная система при всей своей интеллектуальной сложности потребляет сам тот фундамент, на котором она возведена. Говоря на языке экономистов, она существует за счет невосстановимого капитала, который сама непринужденно рассматривает как доход. Я выделил три составляющие такого капитала: ископаемые топлива, запас терпения природы и субстанцию человека. Даже если кто-то из читателей не согласится со всеми тремя частями моей аргументации, полагаю, что каждой из них достаточно, чтобы сделать то заключение, к которому прихожу я.

Каково мое заключение? Оно простое: наша самая главная задача — уйти с нынешней губительной траектории. Кому же взяться за эту задачу? Я считаю, это дело каждого из нас — не важно, старого или молодого, наделенного властью или лишенного ее, богатого или бедного, влиятельного или невлиятельного. Разговоры о будущем полезны только в том случае, если они ведут к действиям в настоящем. А что можно сделать сейчас, когда мы по-прежнему думаем, что «наши дела никогда не шли так хорошо»? Самое меньшее — хотя это уже очень много — мы должны отдавать себе исчерпывающий отчет в проблеме и видеть возможность выработать новый образ жизни, новые методы производства и новые модели потребления: такой образ жизни будет ориентирован на постоянство. Приведу лишь предварительные примеры: что касается сельского хозяйства и садоводства — мы должны быть заинтересованы в совершенствовании здоровых с биологической точки зрения методов производства, а именно таких, которые позволяют увеличивать плодородие почвы, обеспечивают здоровье, красоту и постоянство. Проблема с производительностью как-нибудь сама решится. Что касается промышленности, мы можем проявить интерес к разработке малогабаритной

I. ПРОБЛЕМА ПРОИЗВОДСТВА

техники, имеющей относительно небольшой негативный эффект, «техники с человеческим лицом». Это позволит людям наслаждаться своей работой вместо того, чтобы работать исключительно ради зарплаты и надеяться на наслаждение исключительно во время досуга (обычно тщетно). Что касается, опять же, промышленности (несомненно, промышленность — движущая сила современной жизни), мы можем проявить интерес к новым формам сотрудничества между руководством и работниками, даже к формам совместной собственности.

Часто приходится слышать, как говорят, что мы вступаем в эру «учащегося общества». Будем надеяться, что это правда. Нам все еще нужно учиться жить дружно — в мире не только с другими людьми, но и с природой, и прежде всего с теми высшими силами, которые создали природу и создали нас. Ведь мы, несомненно, не появились в силу случайности и, конечно же, не создали себя сами.

Темы, которые в этой главе были лишь затронуты, будут развиты по мере того, как мы будем продвигаться дальше. Не многих легко убедить в том, что нельзя решить проблему, стоящую перед человеческим будущим, внося незначительные корректировки тут и там или, например, изменяя политическую систему.

Следующая глава — это попытка вновь взглянуть на ситуацию в целом с точки зрения мира и постоянства. Теперь, когда в распоряжении человека оказались физические средства, позволяющие ему полностью уничтожить себя самого, очевидно, что вопрос о мире встанет более остро, чем когда-либо в истории человечества. И как можно построить мир без некоторых гарантий постоянства в нашей экономической жизни?

Научное издание
Серия «Социальная теория»

ЭРНСТ ШУМАХЕР

МАЛОЕ ПРЕКРАСНО.
ЭКОНОМИКА, В КОТОРОЙ
ЛЮДИ ИМЕЮТ ЗНАЧЕНИЕ

Главный редактор
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Редактор
НАТАЛИЯ ДМУХОВСКАЯ

Художник
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Компьютерная верстка
ИГОРЬ ДМУХОВСКИЙ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел./факс: (499) 611-15-52

Подписано в печать 20.12.2011. Формат 84×108/32
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 18,5. Уч.-изд. л. 15,5
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Изд. № 1269. Заказ №

Отпечатано в ООО «Можайский
полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93
www.оаомрк.ru, www.оаомпк.рф.
Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

ISBN 978-5-7598-0822-0

9 785 759 807223